

Эвелина Шац – Татьяна Грауз

Диалог поэтов

Голос тишины

«Такая грусть бывает в сентябре», – думалось, когда читала книгу поэзии Татьяны Грауз. Но грусть эта светлая. Татьяна вопрошает тишину, открывая этический горизонт, *orizzonte etico*. Неожиданно за человеческой хрупкостью – *miraculum*, чудо не просто вещей и деталей, а чудо услышанной! красоты.

Татьяна Грауз тонкий поэт и неординарный глубокий эссеист, и, как будто этого мало, еще и достойный художник. Чтоб убедиться в этом, достаточно полистать необычную и просто красивую книгу «Внутри тишины» издательства «Союз Дизайн» с коллажами поэта-художника. Побольше бы таких книг. Читателей бы стало наверняка больше.

Голос поэта узнаваем. Манит тебя в лабиринт строчек *на-час-на-два*, на вечность, туда, где она возвращается в себя (помните *взгляд в себя* Хлебникова?), именно туда, где она возвращается в себя, то есть в тишину, которую поет. У нее мягкий доверительный голос, тем не менее она, подобно древним грекам, понимает, что страдание суть познание. Цветущие колокола тишины, жизнь так проста, не кричи! обращается она к любимому мной Паулю Целану.

В неясном свете, в парке, так много света, сияния и дождь останавливает свой бег, прекращает дождить в том будущем, где *все еще до и все после*.

Выйду на улицу пятилетней... Многое Татьяна ощущает или заново переживает, как в детстве. Детство ниточкой тянется через ее ощущения, чувство, память. Но вот оно кончилось. Его расстреляли, *сплошные осколки, израненный свет*.

Неделимое. Легкая, порой серебристая паутина грусти окутала сердце и дни поэта, в которых и нам удается побывать прошеными гостями.

Иногда и вовсе непрошеными, нарушая законы тишины. Эта тишина временами затянута или завешена огромной темнотой, пусть и прозрачной, но эта прозрачность не усмиряет тревогу поэта и его читателей. Да... это тревожная поэзия. (У Тани боль – цветок, у меня – гул, о, как выносива Грауз-поэт.) А печаль вдруг оказывается именно птичьей.

Хотя голос тих и мягок. Он как-то более тих и даже застенчив, находясь в поле притяжения Геннадия Айги. А счастье ее трудное, но светлое и взволнованное. Что-то в нем есть определенно родственное Айги – не по внешней форме, а по внутреннему устройству. Она обращается к Айги с песней о поле, где *время между древесных стволов сжалось / как жалость к другому...* Снеги. Айгишная тема. Снег серый или белый,

как снег *неизмеримого морозного вечного*. Морозные сны, а темнота становится ожесточенной, когда укладывает поэта в жесткий жестокий снег. Над ним – обелиск молчания. Тем не менее, несмотря на снежные и полевые связи, Татьяна Грауз поэт уникальнейший, исключительнейший.

Так, например, неожиданно остро звучит на импрессионистическом фоне поэзии Грауз любовная лирика. Образ любви возникает неожиданно сильно. *И дела мне нет, что будут о нас говорить*, она станет тополем высоким, готова сгореть с любимым от одной-единственной спички, *без тебя – воздух ночной будто пепел*. И вдруг тишина стала визуально осязаемой. Исчез поэтический голос автора.

.....

Но вслед за этим тотальным молчанием в темноте зажигается кинолента. Мелькают кадры в стихе *Возвращаясь*. Что-то от киноряда Тарковского, у которого тоже хлябь, дождь, вода, свет. Но и свое кино: и к реке босиком, и вода разных красок и звуков, *и небо невозвратно звенит*. И *легкий пепел счастья*. И неожиданно Хлебникову: *а там, где ты как я бываешь счастлив*. Там *степь = саван сон самозабвенья*.

Да, слоги и слова слипаются там, где *мы существуем без нас*. Пробелы выдавили их из строчек, которые склеиваются над головой любовников. Слипаясь в единое слово *очемтымолчишь*, ведет их в *нашевчера*, в *иные совсем города*. Поэт-провидец, она описывает наш сегодняшний город, каменный мешок, где лица без лиц. Город теряет свое лицо. Но мы знаем, у нее – совсем иные *города*.

И *время* у Татьяны Грауз иное. Оно осталось в стороне. Вот в пустом дребезжащем трамвае – время колодезное... Оно течет через парки-призраки до смертельного края. Мечтая о солнце. Оставляя за собой город стылый, холодный. Он не принадлежит поэту. Поэт отрекается от него. Как птицы из темноты, мелькают могилы поминальными строчками. А время? Время затвердело, как кристалл.

Порой бесчувственное небо, а порой проточный свет и... блеснула надежда. Ай, нет! *Когда меня вовсе не будет*... сухая потрескавшаяся земля, и над всем – жалостливый свет. Травы и облака, и тонкая всепроникающая грусть. Такая грусть бывает в сентябре, и жалобный свет над всем.

мы живем-бытуем / как ландыши / уже не существующие / здесь.

*мы будто камни и мхи
близко подходим
к темному небу причин*

Земля Татьяны Грауз живая. Люди – камни или мхи. Из них протекают слова, твердое она ощущает как влагу. Дерево жизни – твердое. И так сквозь боль и особый ужас тишины мы с поэтом дозреваем до *свободного неба*.

Эвелина Шац
Милан – Москва

Татьяна Грауз

Внутри тишины

Поляна пробуждения

в книге
раскрытой на третьей странице – соцветье акации

(перелистываем)

и по цепочке слов по узкой тропинке
ступаем на прежде неузнанную эту поляну

там заснувшие где-то не там города
в ельнике паутинном там бродит утро
на стебле травы пробуждается взгляд
кувшинами легкими стоят облака
и будто в комнате дальней тикают ходики жизни
и никнет к земле земляника

когда мы
по этим проторенным кириллицей тропам
по этим озерам
на берег другой попадем

там – что-то иное

Послушай

морозные закаты декабря
собачий холод вечер вьюга
коленок зябнущих тупое онеменье
огни-огни-огни-огни-огни
и атриума ад многоэтажный
сквозь хор заснеженных деревьев

а дальше – так легко – как будто
послушай кто-то шепчет прямо в сердце
озябшие седые воробьи
передают друг другу весть благую

Неутомимо

дежурный-огонек-сестра
как обезболить день в палате душно
до дыр зачитан «Заводной Orange»
соседка справа спит после наркоза
лицо узбечки-бабочки-смуглянки
коленка оголилась свет на коже –
холодный молодильный зимний свет

а я лежу успения не зная
и дух захватывает от прозрачной сини
над ржавой крышей облако сияет
неутомимо строит дом – подвижный легкий

Элегия февраля

«бедная, – мне говорили, –
ты проведешь свою жизнь в нищете

и добра не накопишь,
и слов не найдешь, чтоб о любви рассказать,
и будешь ходить, горевать,
что хлеб – только хлеб, и хотят только хлеба».

а снег все идет
и сердце стучит в темноте
о милости просит

вот она – драгоценная милость
яблоня в окружении зимних небес

О бессердечном свете и разбуженном цветке

художнику Владимиру Яковлеву

прозрачен и невзрачен человек
в нем состраданья гулкий ветер
и даль и серо-голубое небо
спокойный нелюдимый воздух
и одинокий крик цветка тревожный

Кукушечки летят

как быстро дни-кукушечки летят
над стылым городом холодным
когда гудят от заморозков звезды
и счастье зыбкое по швам легко трещит

Недолгое

когда мы забудем
 забудемся
и как наледь сорвемся в пустой
 оживающий к вечеру город
где балки балконы и даже белье от мороза железно
и улицы густо синеют на теневой стороне

когда мы все это забудем (забудемся) и озаримся покоем
 может мы снова полюбим
 легкое дыхание слов
и недолгую – рнящую – безысходную жизнь

Ветка сирени

среди пустырей – озеро заболоченное
узкая дамба камыш
домики с плоскими крышами
запах сирени весной
в окна настезь открытые
звук самолета в мутном небе степном

когда меня вовсе не будет
останутся эти пыльные далекие вязы
сухая потрескавшаяся земля
и ветка сирени
в стакане прозрачном невозвратимого детства

Над прошлогодней травой

в увеличительной линзе – вербное воскресенье
дети траву прошлогоднюю поджигают
а над ними стоят как замороженные облака
и кириллицей алой застыло название кинотеатра
р о д и н а
над свежим газоном где были когда-то могилы
над омертвелой травой в кардиограмме тропинок
в воздухе сером цветет растревоженная душа

Город контроля

как обмануть
эти стальные и не моргающие
глаза

будем раскашивать лица
как небо и землю

лица наши – яркие флаги
или пятнистые рыбы
в глубоководной воде переулков
лица – как корабли
пришвартовавшиеся
к каменной кладке стен городских

[лица без лиц]

монтаж невозможен

свидетели: эти дома
свидетели: эти деревья
свидетели: небо и облака

выйди из облака
молчаливый свидетель

* * *

это они в переходе
усталые окаменелые
шепчут и шепчут
в прокóпченном этом туннеле
вымаливают подаянье
в скорби
с молитвой последней

это они нас провожают
это у них в их ладонях
(лимоны-лимоны-и-апельсины)
теплится все согревающий свет

* * *

день
не разрезать легкой
и даже тяжелой рукой

остаются
слова и начала вещей
и переплетения воздуха
в комнате полупустой

* * *

мы будто камни и мхи
близко подходим
к темному небу причин

Оставленные

слышишь
оставленные
в свете убогом живем

в жизнь пробиваемся
сквозь мусор и щели
в память как в тишину
пробиваемся

в сердце цветет
только камень

слышишь вложи
камень вложи в эту стену
сердце вложи слово молитвы
силу последнюю
васильки

Беззаконно

с собой и без сахара
возьму это бедное бездонное небо
и унесу беззаконно и безнаказанно
сквозь нити и сети
сквозь проволоку колючую дней
сплошные осколки израненный свет

Москва

